

УДК 821.161.1(045)

*Л.И. Донецких, В.О. Колодкина***СЛОВООБРАЗ «ЛЮБОВЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ УРАЛЬСКОГО ПОЭТА АЛЕКСЕЯ РЕШЕТОВА**

Статья представляет собой характеристику индивидуального стиля уральского поэта А.Л. Решетова с учетом соотношения языка и мышления, способов выражения в его художественных текстах тонких и сложных реалий внеязыковой действительности, обнажающей те потенции, которые существуют в словарном запасе автора и которые постоянно обогащаются, образуя идиоконцептосферу художника. Ключевыми словообразами концептосферы поэта, сквозными, контекстуально обогащенными, стали война, Родина, природа, мать, женщина, любовь, творчество. Они связаны всеобъемлющим авторским сознанием, эмоциями, оценками, глубинной работой по их смысловому наполнению. Фокусными стали любовь и творчество. В них нашли отражение общечеловеческие эмоции и ментально неповторимые смыслы, отразившие глубокое духовное чувство самоотверженной любви-привязанности к Родине, ее истории, природе, народу-труженику, матери, женщине-богине, доброй и бесконечно самоотверженной.

Ключевые слова: концептосфера русского языка; ключевые словообразы: Родина, природа, мать, женщина, любовь, творчество; печальный хронотоп «здесь» – счастливый «там»; ментальные ценности в картине мира автора и традиционные – общечеловеческие.

Д.С. Лихачев предложил простое и продуктивное понятие концептосферы: это совокупность концептов. «В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как всего языка в целом, мы можем назвать концептосферами. <...> Одна концептосфера может сочетаться с другой – скажем, концептосфера русского языка в целом, но в ней концептосфера инженера-практика, а в ней концептосфера семьи, а в ней индивидуальная концептосфера. Каждая из последующих концептосфер одновременно сужает предшествующую, но и расширяет ее» [6. С. 282].

Ю.В. Железнова отмечает, что «термины «концептосфера» и «картина мира» в некоторых контекстах синонимизируются и вполне взаимозаменяемы» [3. С. 9]. Действительно, первый термин был введен в лингвистику относительно недавно, а последняя категория более распространена в научной литературе широкого толка, однако именно ее «широкоупотребительность» и образность порождает множество вариантов интерпретации в различных областях гуманитарных, естественных и точных наук.

В целом «метафорическое понятие «картина мира» соотносится с системным понятием «концептосфера». Именно она представляет собой информационную базу мышления, обладающую структурными параметрами. Совокупность ментальных единиц отдельно взятого языкового общества содержит в своем составе концепты, общие для всех народов и национально-специфические, имеющие национальное своеобразие при частичном совпадении содержания у разных народов, и эндемические, характерные для национального сознания отдельной языковой личности» [3. С. 15].

Таким образом, национальная концептосфера постоянно обогащается с развитием культуры нации в целом: с развитием литературы, фольклора, науки, изобразительного искусства и т.д. Однако «не все люди, – пишет Д.С. Лихачев, – в равной мере обладают способностью обогащать концептосферу национального языка. Особое значение в создании концептосферы принадлежит **писателям (особенно поэтам)**, носителям фольклора, отдельным профессиям» и т. д. [6. С. 283].

Из развернуто-образного определения, данного Д.С. Лихачевым, можно сделать вывод о том, что концептосфера индивидуально-авторского стиля писателя/поэта складывается из нескольких десятков излюбленных сгустков понятий, слов-образов, которые, повторяясь, меняются, в которые вкладывается собственный авторский смысл, не всегда (или лишь отчасти) соответствующий лексическому значению слова, зафиксированному в словаре.

Наша первая задача состоит в том, чтобы выявить излюбленные темы, мотивы, образы, характерные для творчества А.Л. Решетова, которые и составляют индивидуальную концептосферу поэта.

Замечательно сказал писатель В.Г. Бондаренко: «Как меня за эти минувшие десятилетия ни критиковали и слева, и справа за приверженность к так называемому «поколению сорокалетних», коим нынче уже под семьдесят, но все больше приходит понимание того, что эти «дети 1937 года» были, может быть, самым талантливым поколением в истории русской литературы. Естественно, привязка лишь к одному году чисто условна, как всегда, и бывает граница рождения поколения – это минимум

пять лет. И я определяю эту границу рождения где-то с 1936 года по 1941 год. Предвоенный период» [8]. Несомненно, эти слова относятся и к Алексею Леонидовичу Решетову, и не только потому, что родился он в знаковом для России 1937 году и пронес через всю свою жизнь типичную для многих людей этой эпохи горечь и боль от потери близких, но и прежде всего потому, что талант его, как росток сквозь асфальт, пробился, наверное, не благодаря, а скорее вопреки обстоятельствам, с которыми столкнула его судьба: это и арест и расстрел отца, и разлука с матерью (ее сослали в лагерь как жену репрессированного), и самоубийство горячо любимого брата, и непростые отношения с любимой женщиной, и одиночество. «Читая решетовские стихи, – пишет В.В. Абашев, – читатель легко восстанавливает биографическую канву, вехи жизни, ставшие узлами судьбы. Рождение («я, как волк, появился в апреле»), потеря отца («когда отца в тридцать седьмом / Оклеветали и забрали»), военное детство («я из черного теста, из пепла войны»), смерть матери, труд в шахте и труд поэта, одиночество («нет детей у меня, лишь стихи, окружают меня, словно дети»). Это «я» имеет к тому же подчеркнутую социальную определенность – провинциальность, простонародность («в простонародном страхе я на банкете ем»). Это «я» психологически конкретно, его эмоциональные реакции и предпочтения ожидаемы – неизменная печаль, жалость ко всему малому, самоирония, детскость...» [1. С. 291].

Часто встречающаяся в его произведениях форма доверительной «беседы вполголоса», высокая мелодичность стиха, его живописность, образная выразительность в сочетании с высоким уровнем художественного мастерства автора позволяют утверждать, что стихи представляют собой высокохудожественную ценность, говорят о несомненном таланте. В.В. Кожин называл такую лирику «тихой поэзией» [6. С. 6] и ценил творчество А.Л. Решетова наравне с произведениями Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, Н. Рубцова и т.п. С.А. Иоффе писал: «Она и зовет, и ведет нас к мужеству, «печальная» лира Алексея Решетова» [9. С. 16].

Одной из самых ярких книг уральского поэта является его книга «Чаша», потому что сборник формировался в период творческого расцвета поэта (конец восьмидесятых – начало девяностых годов), расцвета эмоционально зрелого человека с определившимся мировоззрением и собственной философией, который, став уже признанным поэтом, остался верен своей далекой от поэзии профессии, формировался наверняка сознательно, ибо к этому времени уже были изданы два сборника с разницей более 10 лет и такой разной судьбой (после первого, встреченного критикой, поэт замолчал, и лишь второй сборник принес ему признание). Книга состоит из нескольких циклов, порядковое расположение их в книге, на наш взгляд, говорит о многом. Она открывается циклом «Память», посвященным военному и послевоенному детству, что говорит о чрезвычайной важности этой темы для поэта, хотя в начале войны ему исполнилось всего четыре года. Далее следуют циклы: «Зеница ока» («Зеница ока, Родина моя...»), «Волшебная книга природы», «Светлолюбивы женщины», «Белый лист». Последний цикл посвящен творчеству, поэтическому вдохновению, труду поэта. В этот сборник вошли произведения разных лет, что весьма ценно, и название его очень многозначно: это и полная до краев чаша жизни, одиночества, любви к Родине, женщине, природе; это и ассоциация с «горькой чашей» (пить чашу до дна – «терпеливо и в полной мере испытывать, переносить трудности, лишения, невзгоды; долго страдать»); и со словами Б. Пастернака: «Если только можно, Авва Отче, Чашу эту мимо пронеси». Сам Алексей Решетов говорит о книге так:

Читатель милый, книгу эту
Я очень медленно писал, –
Так ствол выносит листья к свету,
Так образуется кристалл.
Увы, кристалл мой слаб и мутен,
Увы, листья мои горьки,
Увы, от истины, от сути
Мои догадки далеки.
Но я пытаюсь жить для ближних,
И пусть вся жизнь моя – провал,
Я никогда на рынках книжных
Душой своей не торговал.

Как мы видим, книга для автора выстрадана, это квинтэссенция его жизни, философии, горького и сладостного опыта – это сама Душа поэта.

Открывается она циклом «Память», посвященным послевоенным годам. Эта тема важна для поэта, «встретившего» войну несмышленишем и в ее тяжелом течении не по годам быстро повзрослевшего, важна потому, что детская память очень цепкая, чувствительная к страданиям, в ней остаются такие мельчайшие детали, которые могли быть пропущены взрослыми как незначительные. Но именно из этих деталей складывается правдивая целостная индивидуальная послевоенная картина мира. Несмотря на то, что слишком юный возраст поэта не позволил ему испытать судьбу солдата, удивительно, что за тыловыми, бытовыми, обычными (а оттого более страшными) мелочами пропускает пронзительное чувство вины перед погибшими солдатами:

Убитым хочется дышать.
Лежат бойцы в земле глубоко,
И тяжело им ощущать
Утрату выдоха и вдоха [10. С. 15].

...Они живым нужней...
Холодный ветер
Хлестал наотмашь по лицу меня,
Когда я нес цветы святыи эти,
Цветы из негасимого огня... [10. С. 39].

Когда стою у Вечного огня,
Когда читаю имена и даты,
Мне кажется – погибшие солдаты
Чего-то ожидают от меня.
Что ж я скажу им – слабый человек –
Жизнь за меня отдавшим добровольно?
Что я в долгу у них, на весь свой век?
Что мне пред ними совестно и больно? [10. С. 39].

«Чувство вины перед погибшими на полях сражений, перед замученными, расстрелянными, умершими от ран. Оно живет в каждом чутком сердце, хотя... «я знаю, никакой моей вины...», – пишет С.А. Иоффе. – Так уж устроен совестливый человек: чем менее повинен он в чем-то, тем более терзается виной» [9. С. 5]. Казалось бы, у А. Решетова с войной связаны лишь детские воспоминания, и ему должно быть легко, посвятив этой теме целый цикл в «Чаше», и, выговорившись, больше не возвращаться к тягостным картинам, однако он возвращается к ней снова и снова иногда напрямую, иногда ярким художественным образом:

В ней золотые жилы не устали
Ждать, что за ними дерзкие придут.
В ней кости и зеленые медали
Солдат, которых девушки не ждут [10. С. 44].

Под тенью тучи серой
Их пламень не утих.
И, словно пули в сердце,
Входили пчелы в них [10. С. 112].

Может, сразила каленой стрелой
Этого парня война?
Женщина пилит двуручной пилой
Толстые бревна одна [10. С. 147].

Несомненно, то время – по продолжительности недолгое, но по наполненности неисчерпаемое – дало поэту крайне важную для демиурга черту: умение сострадать, чутко проникать вглубь самых незначительных на первый взгляд вещей, подмечать малейшее движение души другого человека – трепетное живописание обыденных вещей, чувств, эмоций и составляет специфику лирики А. Решетова:

Отчего человеческий отклик,
Слабый свет незнакомой души
Я ловлю, как растерянный отрок,
Потерявший дорогу в глуши? [10. С. 86].

Второй цикл «Чаши» – «Зеница ока» – начинается значимым стихотворением:

Зеница ока, Родина моя,
Что без тебя на белом свете я?
Без белых рощ, без пушкинской строки
Я не жилец, я сгину от тоски.

Родина в стихах А. Решетова – это прежде всего деревня («На дымок из русской печки / Опирается оно, / На три кедра возле речки / Опирается оно...»; «Эти тихие речки под тонкой слюдой, / Это пламя осин при клубящейся мгле, Этот стог на лугу, как с нехитрой едою / Чугунок на шершавом крестьянском столе...»), это отчий кров, глаза и руки матери, это труд простых людей – рыбака, шахтера, геолога, это друзья, близкие, весь человеческий род («Отчего это каждый прохожий / Мне становится близким навек, / Словно все мы, как братья, похожи, / Словно все мы – один человек»).

В ощущении Родины, Отчизны, за которую не жалко и умереть, Решетов близок Пушкину, Некрасову, Кольцову:

Русская песня о доле людской...
Пушкин глаза закрывает рукой.
Плачет Кольцов на дороге степной.
Плачет Некрасов смертельно больной [10. С. 95].

Если тема смерти на войне вполне естественна для цикла «Память», то здесь лирический герой Решетова охотно отдал бы жизнь только за то, чтобы на родной земле стало спокойнее, счастливее жить:

Как много на свете беспечных планет,
А нашей – и часу спокойного нет.
От вечной заботы, от вечной тоски
Ее полюса – как седые виски [10. С. 47].

В целом ощущение близости конца жизни характерно для цикла «Зеница ока», причем иногда в совершенно неожиданных образах:

А между тем зима недалека,
Уже глаза озер осенних смеркли,
Лишь вены на опущенных руках
Еще журчат, еще перечат смерти [10. С. 78].

Я в лес ушел с грибной корзинкой.
Приволье, солнце, блеск росы...
Но, чу! За каждою тропинкой
Повсюду тикают часы [10. С. 84].

Так, даже в ярком солнечном дне лирический герой Решетова помнит о безжалостном течении времени, о том, что жизнь конечна: «Что короче нашей жизни дивной?». Эта тень конца, сожаление о грядущей разлуке с близкими, друзьями, родной стороной, печаль по несбывшимся надеждам сопровождают большинство стихотворений поэта. Но он скорбит не о себе, а о том, что доставит беспокойство близким и друзьям: «Уж если я умру и не воскресну, / Не превращайте комнату в музей, / Не берегите трость мою и кресло, / А берегите всех моих друзей...».

...Я, словно птица, хохлюсь,
Когда в листках анкет
Пишу о том, что холост,
О том, что деток нет. <...>

...А если смертный холод
Почувствую в огне,
Утешусь тем, что холост:
Кому тужить по мне? [10. С. 93-94].

За этим облегчением, что его смерть никому не принесет горя, чувствуется одиночество и отчаяние. Лирика Решетова автобиографична. Из воспоминаний жены поэта Т.П. Катаевой, опубликованных в журнале «Литературная Пермь», становится известно о психологически сложной ситуации в семье А. Решетова, сложившейся после самоубийства его старшего брата; фактически вся его дальнейшая личная жизнь была принесена в жертву семье: матери и маленькой племяннице, оставшейся на его попечении. Но в стихах ни словом, ни жестом не проскальзывает упрек об этом – только бесконечная любовь к матери, брату, отцу. Безысходность в таких стихах отнюдь не является их главной сущностью, потому что мужество не в том, чтобы не думать, не говорить о смерти, мужество в другом: зная и помня, что ждет в конце жизненного пути, преодолеть в себе страх и растерянность перед неизбежным и ценить, любить дарованную жизнь как величайшую драгоценность, как короткий миг, который не повторится.

В данном цикле, посвященном Родине, есть много стихотворений о матери: «Спешу к земле, как к матери родной...» («Проснулся я от солнечных лучей») [10. С. 53]; «Я приникаю к матери-земле...» («Когда прощально кружат журавли») [10. С. 58]; «Ты одна перед богом ходатай / За меня, моя старая мать» [10. С. 65]; «У мамы цветы на балконе» [10. С. 69]; «Ты слышишь, мама, я пришел...» («Мама») [10. С. 70]. Стихотворение «На берегу дороги дальней» целиком построено на сравнении:

На берегу дороги дальней,
Седой бродяга, блудный сын,
За голос матушки печальной
Я принимаю шум осин.
Я в черный день не без призора:
И в чистом поле небеса,
И во сыром бору озера –
Ее усталые глаза.
Я глажу реденькие злаки,
Внимаю шороху ветвей,
И хорошо мне, бедолаге,
С бессмертной матушкой моей [10. С. 60].

Таким образом, Родина для лирического героя – это и Отчизна, которую надо защищать, и родная земля, и русские люди-труженики, и друзья, и, прежде всего, мать. Сравним: анализируя словарные статьи в словарях языка А.С. Пушкина и А.С. Грибоедова, выясняем, что Родина – это 1) место, где родился, 2) Отечество, которое нужно защищать, способствовать его величию, усердно трудиться на его благо [11; 12]. Любовь и сострадание к русскому-народу в творчестве А.Л. Решетова напоминают тютчевское:

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...

Как и для Ф.И. Тютчева, для А. Решетова Родина – объект поклонения, хотя у Тютчева в этом поклонении есть привкус горечи и бессилия от невозможности облегчить долю русского народа, нищего, измученного непосильным трудом. Также невесел образ природы у Решетова, благодаря эпитетам «печальной», «в черный» день, «усталые», «реденькие» злаки (словно поредевшие волосы старушки-матери).

В целом восприятие Родины для А. Решетова достаточно традиционное, поскольку в народе издавна родина воспринималась как матушка-земля, кормилица, одушевленное существо. Однако в решетовских стихах одушевление чрезвычайно конкретно: **природа становится матерью взамен умершей матушки лирического героя**: «Я в черный день не без призора...<...> И хорошо мне, бедолаге, / С бессмертной матушкой моей». Происходит не просто одушевление, а **замещение** матери родной природой, русской землей.

Природу воспевали и прозаики, и поэты. Как не допустить повторения слов, образов, сравнений, как не впасть в банальность после таких гениев, как А.С. Пушкин, Н.А. Некрасов, А.В. Кольцов, Н. Рубцов и других?

С.А. Иоффе пишет: «Как и перед женщиной, поэт испытывает перед лицом природы восторженную робость, он обожествляет все сущее вокруг, преклоняется перед ним, но чтобы не выглядеть излишне сентиментальным, порой прячет серьезное за усмешкой. <...> Состояние леса и воды, взаимоотношения этих двух стихий с человеком, взаимопроникновение их постоянно занимают поэта» [9. С. 11-12].

Природа у А. Решетова и беспомощное **дитя**, которое требует ухода, защиты и внимания («И, как ребенок, мир невзрачный / Ежеминутно хвастал мне...»; «И птицы, собираясь гурьбами, / Как дети, не могут без драк...»), и мудрый **Учитель**:

Но денек принахмурился вроде,
Но рябиновый прутик поник.
Как бы ни было там, а природе
Дорог каждый ее ученик... [9. С. 100]
Чтоб не казалась родная земля
Самым большим из камней преткновенья,
Вот вам крылатые учителя,
Вот вам искусство полета и пеня... [9. С. 103],
и Женщина:
Ощущать цветов благоуханье
И лучей скользящее тепло,
Думать: это женское дыханье
Чудом в глушь лесную занесло.
И внимать земле и небосводу,
И, вернувшись в хмурое жильё,
Потерять, как женщину, природу,
Мучиться и сохнуть без неё [9. С. 98],
и воплощенное детство:
Должно быть, детство не уходит
От нас, как мнится, в никуда.
Оно живет в родной природе,
Нам улыбаясь иногда.
Побудь в бору, его целебным
Смолистым воздухом дыша.
В тебе, как спящая царевна,
Очнется детская душа [9. С. 132].

В этих образах: дитя, детство – женщина – мудрый учитель заключается отношение автора к природе как к живому существу (что тоже весьма традиционно для поэтов, писателей, художников), требующему защиты, внимания, понимания. В смене образов прослеживается процесс взросления – тот путь, которым должен пройти каждый человек – от несмысленного детства к мудрости.

В лирике А. Решетова легко найти противопоставление природы и города с его безликими бетонными коробками, пыльными улицами: «И, вернувшись в **хмурое жильё**, / Потерять, как женщину, природу, / Мучиться и сохнуть без нее...». Эпитет «хмурый» вместе с глаголом «вернувшись» позволяют сделать вывод о том, что лирический герой – горожанин, тоскующий по русскому приволью, деревенской простой и свободной жизни, своему детству, маме.

Из мелких, скрупулезно выписанных деталей складывается образ природы: «Надо мною мышиный горошек / И прозрачные крылья стрекоз» [9. С. 100], «И вот уже под солнцем вешним / Очнулись бабочки от сна, / Сережки выпустил орешник, – / И у меня в душе весна» [9. С. 109], «И румяной щекой земляника / Прикоснулась к прогретой земле...» [9. С. 111]. «Каким бы внимательным к малейшим подробностям окружающей его природы ни был живописец, он должен уметь еще видеть огромность мира – простор, дали, небо над головой», – говорит С.А. Иоффе [9. С. 12].

Прозрачен купол небосвода.
Леса окрестные цветут.
Откуда жалоба удода:
Тут худо, худо, худо тут! [9. С. 110]

...Когда еще не слышно птах,
Еще не пали росы,
Когда лежит на трех китах
Земля без всякой оси?... [9. С. 101]

В красном пламени леса,
В белой кипени озера, –
Безрасчетная краса,
Драгоценная для взора [9. С. 120].

Так большое, вбирая в себя малое, являет собой образ родной земли, в котором все важно, ничего нельзя отсечь, не рискуя исказить, испортить картину. Природа в творчестве А. Решетова предстает по-женски мудрой и беспомощной одновременно, она редко бывает по-весеннему свежей, нежной и безоблачной, чаще она плачет осенними слезами или кутается в зимнюю вьюгу, как в шубу. С.А. Иоффе: «Состояние настороженности, недобрых предчувствий, печали почти не покидает поэта, если иногда невзгоды отодвигаются в сторону и выпадает благодатная пора, он воспринимает ее не иначе как с сожалением: «Увы, я счастлив...» [9. С. 13].

Поздняя осень. Дождливо. Темно.
Только волшебный горшочек герани
Радует нас сквозь чужое окно,
Всё остальное – терзает и ранит.
Солнце всё дальше от знака Весов.
Вялые воды струятся всё тише.
Вниз головой, как летучие мыши,
Спят отражения черных лесов [9. С. 122].

Он противопоставляет два мира: мир лирического героя – печальный и ранящий – и другой, «чуждый, чужой», но волшебный мир («волшебный горшочек герани» – образ яркий, цветной). Есть «здесь» лирического героя, где «темно», «дождливо», «терзает и ранит», «вялые воды», «спят отражения черных лесов». А радующий взор волшебный горшочек герани стоит «там», на **чужом** окне. Контраст цвета подчеркивает полярность миров: леса черные, волшебная герань белая или красная.

И у меня, у человека,
Столь благодарного весне,
Была зима в душе. И снега
Еще немало в глубине [9. С. 109].

Несмотря на то, что зима «была» (прошедшее время глагола указывает на минувшие, казалось бы, ощущения) и герой «благодарен весне», снег в душе не растаял, природа не в силах возместить недостаток душевного тепла. Такое настроение более характерно для поэзии А. Решетова. Если весна и приходит, то на непродолжительное время, и даже по ее приходу лирический герой не может до конца поддаться буйству весенних красок и тепла, поскольку она не в силах растопить его озябшую душу.

Цикл «Светолюбивы женщины...» занимает скромное предпоследнее место в книге «Чаша», но не в картине мира поэта. Т.П. Катаева, супруга А. Решетова, уже после его смерти нашла неопубликованное стихотворение, которое, возможно, объясняет, почему эта тема занимает важное место в концептосфере поэта:

Я отчую землю крест-накрест прошел,
Я в каждые двери стучал,
Но краше тебя никого не нашел,
Нигде не обрел Идеал.

Я плакал, я падал, я лез на рожон,
В снегах по-пластунски скользя,
Но очи и губы забытых икон
Твердили: – Не надо, нельзя [10. С. 7-8].

Этот запрет на любовь, на личные отношения, как мы уже писали выше, возник в связи с трагическим и внезапным уходом из жизни старшего брата. Как вспоминает Т.П. Катаева: «Страшное потрясение и огромная неожиданность для семьи! Это событие повлияло на всю остальную жизнь Алеши. Время надежд на будущее рухнуло, планы на учебу в Литинституте ушли в прошлое. Все мысли и действия Нины Вадимовны и бабушки были направлены теперь на то, чтобы не потерять еще и Алешу, испытавшего тяжелейший психологический шок... <...> Жизнь Алеши оказалась поставлена в зависимость от всего этого. Под негласным запретом оказалась даже сама мысль о его женитьбе... пока не вырастет Олеся. Его связи с женщинами за пределами дома терпели, но появление в семье «чужой женщины» исключалось. Пока Олею «не поставят на ноги». Сначала Алеша «бунтовал», на какое-то время даже уходил из дома, но чтобы не огорчать родных, во имя памяти брата – смирился» [10. С. 11]. «Очи и губы забытых икон» – словно укоряющие глаза и скорбно поджатые губы (на иконах святые изображались в страдании – таковы традиции христианской иконописи) матери и бабушки поэта. От автобиографичности лирики А. Решетова никуда не уйти. Иконы «забыты», поскольку и матери, и бабушки нет на свете, но запрет остался, несмотря на сопротивление: «Я плакал, я падал, я лез на рожон...».

Как и все мироощущение поэта, взаимоотношения с Женщиной для него счастливыми и безоблачными быть не могут. В его стихах есть: восхищение («Ты легким светом вся озарена, / Ты вовсе не такая, как другие», [10. С. 136]), тихий восторг («О как чиста, о как прекрасна ты, / какая даль между тобой и мною!», [10. С. 137]), трепетная нежность, сострадание («Женщина пилит двуручной пилой / Толстые бревна одна...», [10. С. 147]), жалость («Петь устала, говорить устала...», [10. С. 134]; «Уставшая от стирки...», [10. С. 148]), вина перед женщиной («Их черным словом так легко обидеть», [10. С. 135]), любование («Кофточка застенчивого цвета, / Под косынкой – золотая рожь...», [10. С. 134]), готовность уберечь, прийти на помощь, но счастья вдвоем нет («Один, как перст, как дикий куст», [10. С. 153]; «И на моем подоконнике / Горький букетик былья...», [10. С. 150], «И пусть нас обелят, приговоренных / К последней и пожизненной любви», [10. С. 139]), как нет ни слова упрека или обиды: «Я никогда не разуверюсь / В священной женской доброте» [10. С. 152].

«Всех женщин жалеет поэт, перед всеми испытывает вину, – пишет С.А. Иоффе, – не нашел я в его книгах и одной-единственной строчки, за что-то всерьез укоряющей или хотя бы поучающей женщину; а если заходит речь о любимой, то ни упрекам, ни обидам тем паче нет у него места, ибо любимая всегда права: «Любимая не пустит на порог. / Неплохо и на камушке горячем» [9. С. 9].

Женщина в его стихах непременно ассоциируется с золотом («Под косынкой – золотая рожь...»), со светом («Светлолюбивы женщины... <...> И светоносны женщины...»; «Ты легким светом вся озарена...»), с нежностью («Петь устала, говорить устала / Только нежной не устала быть»), с добротой («Меня всю жизнь берег / Твой добрый взгляд, похожий / На горный огонек»; «Я никогда не разуверюсь / В священной женской доброте»), застенчивостью («Кофточка застенчивого цвета...»). И это присутствует в каждой женщине, независимо от того, любила ли она героя, обманула ли, или влюбленные стали жертвой обстоятельств.

«Любили», «искал», «не целовал», «позабыл», «уехала», «прошла», «не сказал», «минуло», «быльем поросло», «ушла» – вот далеко не все глаголы прошедшего времени, наиболее часто употребляемые в стихах о любви. Все, что было радостного и благодатного, все – в прошлом:

До чего же мы счастливы были!
Пели розы, цвели соловьи,
Наши души с ума посходили,
Побросали вериги свои [9. С. 176].

Есть счастливое «там» – в прошлом с ними обоими, либо у героини без героя, а есть «здесь» в настоящем времени – печальный хронотоп героя:

«Там, у любимой, – поклонники,
Может быть, даже семья,
И на моем подоконнике –
Горький букетик былья...» [9. С. 150].

Чаще всего причиной несчастливой любви становится **либо** стечение обстоятельств:

Его ладьи лежат в пучинах,
И офицеры спят в земле,
Его жену чужой мужчина
Увез в серебряном седле [9. С. 157].

(Из дневников Т. Катаевой мы знаем, что, измучившись неопределенностью отношений, она уехала в другой город с человеком, который «показался ей тогда неплохим» [9. С. 12]), **либо** ощущение героем своего несовершенства, он чувствует, что не достоин этой любви:

Я встреч с тобой боюсь, а не разлук.
Разлуки нас с тобой не разлучают... <...>
О как чиста, о как прекрасна ты,
Какая даль между тобой и мною!
Какая даль – без края и конца! [9. С. 137].

Я простой работага и воин,
Я хлебнул на веку маеты,
Но такой красоты не достоин,
Не достоин такой красоты! [9. С. 158].

Противопоставление, принижение себя в сравнении с объектом любви выражается в строках: «О как чиста, о как прекрасна ты! Какая даль между тобой и мною!». Если героиня «чиста» и «прекрасна», а между ней и героем «такая даль», то герой считает себя грешным и неказистым, «недостойным такой красоты».

Тема запретной и обреченной любви проходит нитью сквозь любовную лирику поэта: «Не будет влюбленным брони, / Пока существует природа, / И боже тебя сохрани / Коснуться запретного плода!»; «Когда цветка не будет на окне, / Могу зайти: ни матери, ни брата / Твоих нет дома. Ты мне будешь рада...»; «Гнет бессонниц, снег седин. / Ты одна и я один»; «Чего ты только там не сочинила / В открытке – умоляя и грозя: / Ремонт, ветрянка... Как все это мило! / Я не дурак, я знаю – к вам нельзя». Кроме глаголов в прошедшем времени, описывающих счастливые любовные переживания героев, оставшиеся в прошлом, стихи о любви наполнены лексемами с отрицательной коннотацией: *утомит, растревожил, прощай, прости, забудь, обиженные, черные дни, серые дни, волчья стая, собачий и собственный вой, печальный удел, разбитый вдребезги, сожрет тоска* и др.. Наряду с отрицательными частицами: *не будет, нет, нельзя, не клянись, не может, не постучу, не упадет, не посягну, не дашь, не подняться, не гони, не помню, не мог, не ведал, не прощу, не плачьте, не калечьте, не вечно, не жаль, не бывает* и др. это интенсифицирует чувство невозвратности, невозможности исправить ошибки.

Той же тоской, которую ничто заглушить не может,
отзывается несбывшаяся мечта:
Ты легким светом вся озарена,
Ты вовсе не такая, как другие,
Ты у меня, как Родина, одна –
Жизнь без тебя страшна, как ностальгия.
И снится мне: качаются цветы,
И белый аист нам несет ребенка,
И голову закидываешь ты,
И на поляну падает грбенка [9. С. 136].

О значимости отношений с героиней говорит трехкратное повторение в начале трех первых строк стихотворения местоимения «Ты», между тем лирическое «Я» героя не заявлено совсем (не считая упоминания «нам»), оно растворено, на первом месте героиня, описанная как божество: «светом вся озарена», «ты у меня ... одна». Более того, учитывая последнее четверостишие, можно утверждать, что все стихотворение в целом включает в себе ассоциацию с Богородицей: белый аист – ангел с благой вестью, ребенок – младенец Иисус. Но все это лишь снится герою, реальность тяжела: «Нет детей у меня. Лишь стихи / Окружают меня, словно дети...».

Цикл «Белый лист» посвящен творчеству, вдохновению, труду не только поэта, но и художника («Художник», «Автопортрет», «К Демону»), скульптора («Мыслитель»), музыканта («Чтоб обращаться к миру, / Паче того – к богам, / Нужно хотя бы лиру, / Ежели не орган...»).

С самого начала творческого пути А. Решетов знал о трудном и мучительном пути поэта в России («Поэтов сокрушают не наветы: / Сам по себе мучителен их путь, / Самих себя не берегут поэты...»), среди поэтов и писателей он особенно выделял А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова [4. С. 20]. Он и не собирался делать поэзию основной своей деятельностью, хотя «стихи начал писать рано. Писал не на показ, для себя. Заносил их в тетрадку, которая сохранилась... <...> Сам же он намеревался продолжить семейную журналистскую традицию, рано начал сотрудничать с березниковскими и пермскими газетами» [4. С. 10-11]. Но вопреки всему – занятости, чувству долга, обстоятельствам – не мог не писать:

О белый лист, поэту ты претишь,
Так белый флаг немислим для солдата.
Так белой ночи тягостная тишь
В рыданиях девичьих виновата.
Но полон чуда, веры, торжества
Тот миг, когда естественно и просто
Приходят вдохновенные слова
На лист, необитаемый, как остров.
О белый лист – как белое чело,
Как белые больничные постели,
Как белый снег, что рухнул тяжело
От выстрела на пушкинской дуэли... [9. С. 198].

Как это похоже на знаменитое ахматовское: «И просто продиктованные строчки / Ложатся в белоснежную тетрадь». У А. Решетова в отличие от А. Ахматовой отношение к процессу творчества как к тяжелому кресту, своеобразному испытанию, которое нужно выдержать достойно, ибо оно дано Богом. Судьба поэта трудна, потому что «попробуй жить и не растратить крови, / Переживая тысячи смертей / И чьих-то несложившихся любовей». Творец пропускает через свое чуткое сердце чужие грехи, страдания и чувства, он словно проживает не одну жизнь: «Я много раз рождался и старел / И на высоком пламени горел...». И на свою собственную жизнь, на воплощение тихой и обыденной мечты у него не остается сил:

Нет детей у меня. Лишь стихи
Окружают меня, словно дети... [9. С. 200].

Но тем и славен труд поэта, что в его стихах навеки запечатлена нелегкая судьба его народа, обычных людей: солдатских вдов, израненных воинов, матерей, не дождавшихся с войны сыновей, шахтеров, рыбаков, геологов, поэтов, незаслуженно не воспетых мастерами пера. И А. Решетов словно заполняет этот пробел, и защищает своих героев грудью («И не писал своих героев, / А впалой грудью защищал...» – стихотворение «Автопортрет»). «Он всегда протестовал против любого насилия и несправедливости, – пишет Т.П. Катаева, – беря сторону слабого» [4. С. 9].

Художественный мир поэзии Алексея Решетова близок и понятен читателю, он сконцентрирован в себе те ценности, которые важны для каждого человека: **природа, любовь, Родина, мать, творчество**. С одной стороны, его поэзия удивительно проста, кажется, любой мог бы так же написать о мире, который его окружает, о наболевшем, с другой стороны, простота и «наивность» его стихотворений кажущаяся – это простота «белого листа», «белоснежной тетради» – символа творчества, начала новой жизни, и лишь от самого человека зависит его заполнение. Творчество Решетова – это своеобразная проекция на авторскую картину мира и ту ментальность, которая существует в индивидуальном человеческом сознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашев В.В. Алексей Решетов // Литература Урала: Очерки и портр. / науч. ред. Н.Л. Лейдерман. Екатеринбург, 1998. С. 289-309. URL: <http://www.kulturaperm.ru/content/5Abashev.pdf> (дата обращения: 11.04.2012).

2. Бондаренко В.Г. Эпоха одиночек // Независимая газета. № 131 (3527) от 30.06.2005 г. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2005-06-30/4_epoch.html (дата обращения: 25.12.2013).
3. Железнова Ю.В. Сравнительное изучение концептосфер различных языковых культур: к постановке проблемы // Английский язык в поликультурном регионе: мат-лы международной конф. Ч. 2. 2005. С. 119-121.
4. Катаева Т.П. Алеша // Литературная Пермь: альманах писателей Пермского края. 2006. Вып. 4. С. 5-31. URL: http://liter.perm.ru/ess_kat.htm (дата обращения: 21.12.2012).
5. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М.: Academia, 1997. С. 280-287.
6. Поэты тютчевской плеяды: сборник / сост. В.В. Кожинов, Е. Кузнецова; вступ. ст. В.В. Кожинова. М.: Сов. Россия, 1982. 398 с.
7. Решетов А.Л. Автопортрет: повесть, стихи. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1987. 256 с.
8. Решетов А.Л. Белый лист. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1968. 100 с.
9. Решетов А.Л. Станция Жизнь. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1990. 288 с.
10. Решетов А.Л. Чаша. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1981. – 231 с.
11. Словарь языка А.С. Грибоедова. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/concord/abc/> (дата обращения: 11.01.2014).
12. Словарь языка А.С. Пушкина: в 4-х т. Т. 2. М., 1957 URL: <http://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (дата обращения: 25.11.2013).

Поступила в редакцию 17.11.16

L.I. Donetskikh, V.O. Kolodkina

THE IMAGE OF "LOVE" IN THE CREATIVE WORK OF THE URAL POET ALEXEY RESHETOV

The article presents a study of the individual style of the writer A.L. Reshetov. It describes the correlation of the language and thinking, the way of conveying delicate and complicated extralinguistic culture-specific concepts which expose the author's constantly enriching vocabulary making up the author's sphere of concepts. The key images of the author's sphere of concepts enriched within the context are war, Motherland, nature, the mother, the woman, love, and creative work. They are connected by the all-embracing author's consciousness, emotions, appraisals, thorough work of filling them with sense. Love and creative work are the main images. Common to all mankind emotions, mentally unique meanings of deep spiritual selfless love and attachment to Motherland, its history, nature, people-toilers, the mother, a kind and selfless woman-goddess are reflected in them.

Keywords: sphere of concepts of the Russian language; key images: Motherland, nature, mother, woman, love, creative work, sad chronotope "here" – happy chronotope "there"; mental values in the author's picture of the world and traditional values (common to all mankind).

Донецких Людмила Ивановна,
доктор филологических наук, профессор
E-mail: russistoria@mail.ru

Колодкина Валерия Олеговна, студент,
E-mail: valeriyakolodkina@mail.ru

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)

Donetskikh L.I.,
Doctor of Philology, Professor
E-mail: russistoria@mail.ru

Kolodkina V.O., student
E-mail: valeriyakolodkina@mail.ru

Udmurt State University
Univeritetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034